

Надежда СТАРОДУБЦЕВА
(Волгоград, Россия)

**Протоколы инквизиции
как источник по социально-
политической истории Лангедока
(середина XIII – начало XIV вв.)**

Протоколы инквизиции – очень ценный, но недостаточно изученный (особенно в отечественной исторической науке) источник. И если его применение в работах религиоведческого характера довольно широко [1; 2; 4; 7], то при изучении вопросов социо-политического развития этого не наблюдается. Если смотреть на протоколы с точки зрения их информативной ценности как источника по социально-политической истории, их использование может быть весьма плодотворным. Социальные отношения, культурные трансформации и политическая ситуация в регионе не входили в область интересов Церкви (по крайней мере, в это время), а посему маловероятно, что сведения такого рода подвергались искажениям.

В применении к Лангедоку использование протоколов допросов инквизиции особенно уместно, поскольку источников, выражающих позицию местного населения рассматриваемого периода очень мало. В основном, это сочинения трубадуров. Поэтому анализ протоколов инквизиции может быть весьма полезным для воссоздания объективной картины той эпохи.

Само возникновение и организационное оформление инквизиции как особого института, занимающегося расследованием дел, связанных с преступлениями против веры, произошло в Лангедоке в 30-е годы XIII в. в связи с широким распространением еретических учений (особенно катаризма¹) на этих землях. Главными функциями инквизиции

---

¹ Катаризм – гетеродоксическое учение, распространившееся в Европе в XI – XIV вв. Территории нынешнего юга Франции были центром этой ереси. основополагающие моменты вероучения: дуализм творения и, соответственно, творцов (небесное, духовное, доброе создано Богом;

стали выявление и розыск лиц, имеющих отношение к ереси. Имеются в виду как обычные верующие, так и духовные лидеры секты, называемые «совершенными»². Результатом розыскных действий становилась серия допросов подозреваемого и заседание трибунала, выносившего приговор.

Документальным выражением деятельности инквизиции как раз и были протоколы инквизиционного трибунала, представляющие собой запись допроса (или нескольких допросов) одного лица по вопросам ереси.

Каждый протокол имеет определенную структуру: открывается датой, именем и (не всегда) обозначением социального статуса или профессии допрашиваемого, а также словами клятвы, обязующими говорить «полную и чистую правду о ереси». Затем следует изложение всего, что допрашиваемый помнит о ереси и ее сторонниках, перемежаемое время от времени уточняющими вопросами членов инквизиционного трибунала. Завершается протокол перечислением председателей трибунала в лице одного или двух инквизиторов и свидетелей допроса с обозначением их статуса (монах Ордена Миноритов или Ордена Братьев-проповедников, приор и т.д.), а также их подписями. Если подозреваемый в преступлении против веры подвергался серии допросов или же являлся позднее по собственной инициативе, вспомнив обстоятельства, не названные им ранее, новая информация по той же схеме дописывалась в дело. По окончании допросов, на заседании трибунала выносилось решение о наказании: от легкой епитимьи до смертной казни через сожжение (впрочем, исполнение последней полностью возлагалось на светские власти).

земное, материальное, злое создано Дьяволом); учение о метемпсихозе (цепь перерождений и, следовательно, земную жизнь, порожденную Дьяволом, можно прервать, только достигнув истины посредством катарского учения); отрицание власти Папы Римского, католических таинств и в целом католической церкви, которые, как и все земное, берут начало от злого бога и т.д.

² Термином «совершенные» инквизиторы обозначали тех членов секты катаров, которые прошли посвящение, соблюдали все каноны катарского вероучения, читали проповеди и совершали *consolamentum* (дословно – «утешение») – особый обряд, заменявший все католические таинства. Из числа «совершенных» избирались епископы (катарская ересь была структурирована в несколько епископальных церквей).

Поскольку инквизиционный трибунал не везде действовал постоянно, к тому же менялись лица, возглавляющие его деятельность, протоколы компоновались в регистры в соответствии с периодом составления и местностью, в которой производилось расследование.

К сожалению, нельзя рассчитывать на полноту и цельность этих документов. Каждый из регистров представляет собой компиляцию разрозненных протоколов. Причем, часть фолиантов, входящих в регистр, утеряна. Некоторые протоколы обрываются на середине.

В нашей статье будет представлен анализ трех регистров протоколов лангедокской инквизиции:

1. Cahiers de Bernard de Caux. Agen, Cahors, Toulouse (1243 – 1247) [3];
2. Registre de l’Inquisition de Toulouse (1273 – 1280; с добавлением от 26.01.1282 г.)^[6];
3. Registre de Geoffroy d’Ablis. Sabartes (1308 – 1309) [5].

Все три регистра представляют собой своеобразный «срез» южнофранцузского общества на разных этапах его включения в Французское государство и унификации с северофранцузскими территориями.

Первый регистр составлен вскоре после смерти Графа Тулузского Раймонда VII, когда управление его землями перешло к его дочери и ее мужу Альфонсу Пуатье, который был братом французского короля Людовика IX. При этом Лангедок еще сохранял некоторое независимое положение, хотя основания его жизни и приводились постепенно в соответствие с тем, что происходило на Севере Франции.

Второй регистр составлен спустя некоторое время после смерти Альфонса и Иоанны, когда Лангедок, вопреки завещанию последней, которое объявили недействительным, перешел под непосредственное управление французской короны.

И, наконец, третий регистр относится к периоду, когда Юг Франции уже воспринимался как неотъемлемая часть французского государства.

Из протоколов мы можем извлечь различную информацию, касающуюся социальных вопросов и политических настроений, и проследить изменения, происходившие с течением времени и со сменой политической и социо-культурной ситуации в регионе.

Для начала посмотрим, *кто и каким образом производил дознание.*

В Cahiers de Bernard de Caux члены инквизиционной комиссии представлены исключительно духовными лицами. Это монахи Ордена

Братьев-проповедников и Ордена Миноритов. Следствие и принятие решения полностью оставлено на их попечение. Особая ценность этого регистра определяется тем, что с ним во многом связано формирование определенного «стиля» дознания и оформления процедуры, который господствовал у доминиканских инквизиторов до начала следующего века, а также складывание градации греховности (об этом ниже).

В *Registre de l'Inquisition de Toulouse* обязательным участником разбирательства становится светское лицо. Обычно это публичный нотариус, который и ведет запись протокола. Всего в этом регистре можно насчитать 6 нотариусов, 5 из которых постоянно участвуют в заседаниях трибунала. Впрочем, его роль в заседании формальна: он составляет протокол и выполняет функции свидетеля дознания. Но за то, что Церковь предоставляет государству право участвовать в процессе расследования дел, чиновники высшего звена, в соответствии со своими должностными обязанностями, активно участвуют в поиске еретиков. В результате, мы встречаем признания такого рода:

«Я был в этой вере около двадцати пяти лет и я окончательно покинул ее на следующий день после Пасхи, или же в ноны месяца апреля [5.04.1247], когда я был арестован и отправлен на допрос сеньором сенешалем» [6, с.68].

Инквизиторы и духовные лица, выступающие в качестве свидетелей, являются членами ордена Братьев-проповедников (доминиканцев). На наш взгляд, мнение о том, что инквизиторы везде были доминиканцами и что для последних проведение инквизиционного расследования – естественное занятие, является некоторым упрощением. Скорее, подобную ситуацию можно считать особенностью Тулузского трибунала этого периода, связанную, возможно, с тем, что здесь располагались так называемые «студии» от Ордена Братьев-проповедников, где производилось обучение, а также с тем, что сам трибунал разместили в «доме проповедников».

В еще большей степени светские лица задействованы в деятельности инквизиции в 1308 – 1309 гг. В *Registre de Geoffroi d'Ablis* практически в каждом протоколе говорится об участии в работе трибунала нескольких нотариусов (причем, большинство из них уже не публичные, а королевские нотариусы), профессора права и представителя «от знати», что, опять-таки, свидетельствует о постепенном расширении вмешательства государства с целью поставить под контроль (в том числе, общественный) деятельность этого института.

В течение рассматриваемого периода, очевидно, меняются и приемы дознания. *Cahiers de Bernard de Caux* не слишком насыщены признаниями и доносами. По всей видимости, инквизиция в тот период не применяла чрезвычайных мер к допрашиваемым с целью вынудить их на признательные показания.

Деятельность инквизиции в 1273–1280 гг. можно назвать более успешной, нежели в ранние периоды. В *Registre de l'Inquisition de Toulouse (1273–1280)* гораздо больше признаний и свидетельских показаний, чем в *Cahiers de Bernard de Caux (1243–1247)*. Сами показания при этом насыщены именами и фактами.

По-видимому, это объясняется тем, что, ощущая полную поддержку со стороны светских властей, инквизиционный трибунал посчитал возможным применять более суровые методы при дознании, т.е. запугивание, длительное содержание в заключении и пытки. Свидетельством тому может служить тот факт, что допрашиваемые довольно часто меняют показания, а некоторые говорят о своем страхе перед инквизицией. Так, Петронилла из Верфёй заявляет: «В моем первом признании я из страха сказала, что поклонялась «совершенным», в то время как я этого не делала» [6, с.7]. Риксанда де Мираваль, на вопрос о причине своего бегства говорит: «Потому что я боялась инквизиции» [6, с.107]. И таких заявлений немало. Страх становится главным переживанием. В результате, лица, предстающие перед трибуналом, часто оговаривают себя и других, пытаясь смягчить наказание. Поэтому поздние протоколы отличаются обилием подробностей.

Но если в *Registre de l'Inquisition de Toulouse (1273–1280)* отмечается, что страх заставляет людей скрываться бегством, то в *Registre de Geoffroy d'Ablis (1308–1309)* он же приводит людей с добровольными признательными показаниями даже без вызова со стороны инквизиции, т.к. это давало надежду на снисхождение трибунала. Это можно считать доказательством эффективности деятельности инквизиции по розыску подозреваемых и борьбе с еретиками.

Не менее интересно рассмотреть *состав допрашиваемых*.

Если говорить о 1243–1247 гг., мы видим, что из 28 допрошенных 17 (т.е. почти две трети) занимали высокое положение в обществе, из них: 4 сеньора, 7 рыцарей, 2 дамуазо³, 1 дамуазель⁴, из числа ближай-

---

³ Знатный человек, сын рыцаря, который еще не прошел посвящение в рыцари или не имеет средств для этого.

⁴ Девушка благородного происхождения.

шего окружения Графини Тулузской, а также 1 сенешаль⁵ Раймонда VII и 1 балль⁶.

В регистре Тулузской инквизиции за 1273 – 1280 гг. среди 54 допрошенных нам встречается всего 9 человек (т.е. одна шестая часть) из привилегированных слоев: 6 рыцарей, 2 дамуазо, 1 жена рыцаря. Остальные представлены выходцами из городских слоев очень пестро и по достатку, и по социальному статусу: ремесленники разных мастей, торговцы, зажиточные горожане, слуги и т.д.

В регистре протоколов инквизиции за 1308 – 1309 гг. из 17 допрошенных 8 (почти половина) имеет знатное происхождение (5 дамуазо, 2 рыцаря, 1 жена рыцаря), а еще 8 являются выходцами из горожан, близких к знати.

Такое пристальное внимание инквизиции к знати можно объяснить тем, что ее представители довольно долгое время занимали ведущее положение в среде оппозиции новой власти и инициировали различные восстания. Особенно явным это становится, если вспомнить, что *Cahiers de Bernard de Caux* и *Registre de Geoffroi d'Ablis* (т.е. те, в которых знать представлена особенно широко) составлялись вскоре после мятежей. Первый – после неудачной попытки Раймонда VII вернуть себе полную власть над своими землями, а второй – после заговора (опять же, неудачного) с арагонским принцем Фердинандом.

По всей видимости, борьба с оппозиционными настроениями среди местной аристократии при помощи инквизиции была результативной, поскольку последний регистр демонстрирует нам покорность знати и ее стремление к сотрудничеству, что выразилось в их готовности с легкостью отказаться от старых убеждений и выдать своих, теперь уже бывших, товарищей.

Протоколы нам показывают, что менялись также *количество и состав* самих «совершенных».

В первом регистре упоминается около полутора десятков имен «совершенных», с которыми регулярно встречались допрашиваемые. И среди них около половины имели знатное происхождение: это были

---

⁵ В средневековой Франции королевский чиновник, глава судебно-административного округа (сенешальства); представитель судебной или финансовой местной власти в феодальной Франции (как в данном случае).

⁶ Королевский чиновник, глава судебно-административного округа, бальяж.

либо сестры, либо матери местных сеньоров и рыцарей или даже сами рыцари и сеньоры в молодости (как, например, рыцарь Маффрэ де Поляк [3, с.93–97], с чьим признанием можно ознакомиться в данном регистре).

В протоколах за 1273 – 1280 гг. нам встречается больше двух десятков имен «совершенных», ведущих регулярную проповедническую деятельность (но это может быть связано не с ростом количества «совершенных», а с тем, что в этом регистре сохранилось больше протоколов). Причем, среди них все реже встречаются имена знатных лиц. Почти все «совершенные» этого периода были выходцами из городских слоев.

Если же говорить о последнем регистре, то здесь упоминаются имена всего 5 «совершенных», которые были горожанами по происхождению. Интересно, что трое из них некогда были нотариусами.

Это еще один показатель того, что знать постепенно отходит от катаризма и оппозиции властям в целом, передавая лидерство в этих делах представителям городской среды.

Как уже упоминалось ранее, опираясь на признания свидетелей, инквизиционный трибунал выработал особую *градацию населения, исходя из их причастности к ереси*, т.к. целью инквизиции было не только определение круга лиц, тем или иным образом связанных с ересью, но и их своеобразная “классификация”, которая бы позволила выстроить определенную систему взаимоотношений с ними. В *Cahiers de Bernard de Saux* мы можем выделить следующие категории:

1. те, кто виделся с «совершенными»;
2. те, кто давал им что-то (еду, деньги) или принимал в дар;
3. те, кто укрывал совершенных;
4. те, кто принимал пищу вместе с «совершенными»;
5. те, кто поклонялся «совершенным» и слушал их проповеди;
6. нераскаившиеся еретики, «совершенные».

Принадлежность к определенной категории (расположены в порядке возрастания тяжести вины) определяла наказание, а также степень подозрительности со стороны светских и духовных властей в отношении них в дальнейшем и возможность/невозможность вести полноценную жизнь. Чем выше категория, тем больше ограничений накладывалось на общественную активность человека (например, запрет занимать официальные должности).

В *Registre de l'Inquisition de Toulouse* эта градация была расширена. Появились новые категории «подозрительных»:

- те, кто ел хлеб, благословленный «совершенными»;

- те, кто не способствовал аресту «совершенных»;
- те, кто сопровождал «совершенных» в их путешествиях;
- те, кто ассистировал при еретикации⁷.

В *Registre de Geoffroy d'Ablis* эта тенденция получила дальнейшее продолжение. Теперь добавились:

- те, кто не донес на еретиков;
- те, кто заключил «пакт» с «совершенными»⁸.

Увеличение градации ведет к росту числа лиц, которых можно включить в классификацию «подозрительных», а также к ужесточению мер, применяемых по отношению к ним.

Особенно важным нам представляется рассмотреть *круг вопросов, затрагиваемых в протоколах*. Естественно, что изначально инквизиторы были нацелены на получение максимально обширной информации о секте катаров. В связи с этим, тематика вопросов, задаваемых инквизиторами, в основном была связана с догматикой, а также с выяснением лиц, причастных к ереси. Особенного много информации нам в этом смысле дает Дополнение к *Cahiers de Bernard de Caux* [3, с.151–164], содержащее свидетельства против одного из нераскающихся еретиков.

Но постепенно инквизиция начинает интересоваться и другими вопросами. В 1273–1280 гг. помимо розыска еретиков, она занимается и вопросом борьбы с богохульниками, что может служить доказательством активного внедрения французского законодательства на территории Лангедока⁹ и свидетельством расширения масштабов деятельности инквизиционного трибунала. Судя по протоколам тулузской инквизиции, понятие «богохульство» толковалось довольно широко. Под эту

---

⁷ Обряд, обычно совершаемый перед смертью, гарантировавший, по мнению катаров, избавление от цепи перерождений в земном мире.

⁸ Согласно представлениям катаров, обряд еретикации можно совершить только в том случае, если человек заявляет о добровольном его принятии, и никогда, если человек «уже потерял дар речи» но, ввиду активных преследований, «совершенные» далеко не всегда успевали вовремя прибыть к постели умирающего. В связи с этим, в начале XIV в. появляется практика заключения так называемого «пакта», когда человек заранее обговаривал необходимость совершения над ним обряда еретикации, даже в том случае, если он уже будет не способен говорить.

⁹ Имеется в виду так называемый «Великий ордонанс» Людовика IX, представляющий собой комплекс королевских указов, затрагивающих различные сферы жизни французского общества. Ряд ордонансов был посвящен борьбе с богохульством.

категорию попадали как не вполне соответствующие католической догматике утверждения (как, например, мысль о тождественности крови и души или о том, что Дева Мария была не человеком, а ангелом), так и совершенно рациональные идеи о том, что урожай зависит от плодородия земли, а не от произволения Бога.

Однако, вольно или невольно, в протоколах освещается более широкая проблематика. Наиболее показательны в этом смысле изменения *в вопросах, более всего интересовавших общество того периода*. В *Sahiers de Bernard de Saux* разбирательства полностью посвящены догматике и взаимоотношениям с Церковью. Мы видим, что в умах людей понимание свободы очень тесно связано с вопросом отношений с Церковью. Многие из тех, кто признался в своей причастности к ереси, в числе своих воззрений перечисляли следующее:

«Таинства крещения и брака ничего не значат... до времен святого Сильвестра мессы не проводились, а Церковь не имела никаких владений; *в течение ближайших двадцати лет Церковь исчезнет*» [3, с.154] (курсив мой – С.Н.).

То есть, именно католическая Церковь представляется местными жителями главным виновником ущемления их прав и свобод, и с ее падением связывается освобождение Лангедока. Это было одной из важнейших причин столь жестких мер, применяемых против еретиков. Впрочем, и сами эти меры вызывали резко негативную реакцию местных жителей. Многие, как и Пьер Уиссак, говорили, что

«он ничего не даст за все мессы, что проводятся в Каоре, и что если судьи инквизиции изгонят его, он уйдет; и что он не даст и выеденного яйца за отлучение от церкви, т.к. Церковь провела очень много несправедливых судебных процессов» [3, с.27].

Этот мотив сохраняется и в дальнейшем. Традиционным для регистра тулузской инквизиции является высказывание, что «Римская церковь не является истинной церковью, так как в ней нет ничего, кроме тщеславия» [6, с.2]. В начале XIV в. катарские проповедники подобным же образом наставляли паству, о чем нам и сообщают допрашиваемые:

«Я слышал, как эти «совершенные» говорили, что они хорошие люди, что они ведут праведную жизнь, и что их вера лучше, чем наша. Они меня также спрашивали, как я могу верить, что кюре,

преисполненный грехов, может отпускать какие-то из этих грехов, говоря, что он не может этого никоим образом, и чтобы я в это не верил» [5, с.161].

Но все же в *Registre de l'Inquisition de Toulouse* акценты несколько смещаются. В отличие от *Cahiers de Bernard de Caux* уже обнаруживаются высказывания, иллюстрирующие отношение к французам, что, по всей видимости, связано с настойчивой профранцузской политикой Альфонса Пуатье и с окончательной аннексией Лангедока Францией в 1271 г. Причем, это отношение разнится от неприязни к дружелюбию. Форесс, жена плотника Пьера Виталья, признается:

«Пьер говорил, что господство французов ему неприятно, что священнослужители и французы – это одно и то же, что за отказ и согласие они в равной степени истребляют людей» [6, с.34].

Зато дружба с французами, по признанию Журдэна, сына мессира Журдэна де Сэссак, вызывает недоверие к нему в кругу его знакомых [6, с.92].

В этом же регистре мы встречаем новое поколение жителей Лангедока, выросшее в принципиально иной социо-политической ситуации и считающее своим долгом борьбу с ересью, даже если их предки сами были еретиками. Так, один из представителей этой группы рассказывает следующее:

«Я никогда не видел «совершенных», если не считать того раза, когда один сбежал, [было это] в бастиде Пеш д'Азен. Я следовал за ним и хотел его по возможности арестовать, и для того, чтобы его арестовать я честно сделал все, что мог» [6, с.46].

Причем, что особенно интересно, противники ереси представлены в основном знатью, в то время как среди активных сторонников еретиков мы видим в основном горожан.

Естественно, что благорасположение к французам сопровождалось неприятием еретиков и, соответственно, наоборот. Таким образом, разделение общества на два лагеря происходит, исходя из двух критериев:

- отношение к катарам;
- отношение к французам.

В *Cahiers de Bernard de Caux* (1243–1247) эта проблема еще не стоит, потому, как засилье французов и навязывание политических и

социальных структур Северной Франции еще не проявилось в полной мере. А в *Registre de Geoffroy d'Ablis* (1308–1309) эта проблема уже не стоит, потому что вхождение Лангедока в состав Франции – состоявшийся факт. Поклонение же «совершенным» для большинства людей – дело прошлого. Практически все легко отрекаются от ереси и массово выдают своих бывших соратников. Катаризм еще не истреблен, но уже потерял свои функции идейно-политического течения, объединяющего вокруг себя сторонников Лангедока, независимого от Франции. Мы не встречаем ни одного высказывания негативного характера в адрес французов. Напротив, допрошенные, в особенности знатного происхождения, стараются доказать свою лояльность к власти.

Таким образом, протоколы инквизиции предоставляют нам разнообразную информацию, связанную с умонастроениями жителей Лангедока и общественными отношениями в этом регионе на протяжении времени с середины XIII в. до начала XIV в. и позволяют проследить изменения, происходившие здесь. Мы можем убедиться в том, что деятельность инквизиции увеличивает свои масштабы и ужесточает меры, что сопровождается разработкой процедуры следствия, но при этом увеличивается степень вмешательства в эти дела государства. В результате к началу XIV в. катаризм практически перестает играть важную роль в общественной жизни Лангедока, а знать из числа его активных защитников переходит в лагерь борцов с ересью и, одновременно, сторонников светских и духовных властей. В целом, использование протоколов оказывается весьма полезным для изучения вопросов социально-политической ситуации на Юге Франции в рассматриваемый период.

Источники и литература

1. *Brenon A.* Les archipel cathares, dissidence chretienne dans l'Europe medievale. Cahors, 2000.
2. *Brenon A.* Les cathares, pauvres du Christ ou apôtres de Satan? Paris, 1997.
3. Cahiers de Bernard de Caux. Ms Doat XII B.n. de Paris. Agen, Cahors, Toulouse. 1243 – 1247/ ed. et trad. par J.Duvernoy. Paris, 1988.
4. *Nelli R.* Ecritures cataras: La Cène secrète. Le Livre des deux principes. Traité cathare. Le Rituel occitan. Le Rituel latin. Textes précathares et cathares présentés, traduits et commentés avec une introduction sur les origines et l'esprit du catharisme. Carcassonne, 1968.
5. *Registre de Geoffroy d'Ablis.* Ms Latin 4269 B.n. de Paris. / ed., trad. et notes par J.Duvernoy. Paris, 1980.

Надежда СТАРОДУБЦЕВА. Протоколы инквизиции...

6. *Registre de l'Inquisition de Toulouse (1273 – 1280) / ed., trad. et annoté par J. Duvernoy. Paris, 1993.*

7. *Roquebert M. L'époque cathare. 6 vol. Toulouse, 1976 – 1979, Paris, 1998.*

Надежда Стародубцева (*Волгоград, Россия*) **Протоколы инквизиции как источник по социально-политической истории Лангедока (середина XIII–начало XIV вв.)**

В данной статье ставится цель определить, какую информацию о социально-политическом аспекте истории Лангедока середины XIII–начала XIV вв. мы можем извлечь из протоколов инквизиции этого периода. Дается общая характеристика источников, выделяется ряд категорий, по которым проводится их содержательный анализ и прослеживается эволюция этих категорий в течение обозначенного периода.

Ключевые слова: Лангедок, инквизиция, ересь, катаризм, протоколы

Надія Стародубцева (*Волгоград, Росія*) **Протоколи інквізиції як джерело з соціально-політичної історії Лангедоку (середина XIII–початок XIV ст.)**

В статті розглянуто, яку інформацію про соціально-політичний аспект історії Лангедоку середини XIII–початку XIV ст. можливо з'ясувати із протоколів інквізиції цього періоду. Наведено загальну характеристику джерел, виокремлено низку категорій, за якими проводиться аналіз їхнього змісту та простежено еволюцію цих категорій протягом означеного періоду.

Ключові слова: Лангедок, інквізиція, ересь, катаризм, протоколи

Nadegda Starodubtseva (*Volgograd, Russia*) **Protocols of the inquisition as a source for social and political history of Languedoc (middle 13th – early 14th cc.)**

In this article we have to determine what kind of information about social and political aspects of history of Languedoc from middle 13th to beginning of 14th we can learn from report of the inquisition of this period. The general characteristic of sources is given, is separated the number of categories, on which their meaningful analysis is conducted and the evolution of these categories during the designating period is outlined.

Key words: Languedoc, Inquisition, heresy, katarizm, protocols